

ЭТНИЧНОСТЬ И БЮРОКРАТИЯ: ЗАМЕТКИ О СОЛИДАРНОСТИ КОРЕННЫХ МАЛОЧИСЛЕННЫХ НАРОДОВ РЕСПУБЛИКИ АЛТАЙ

Денис Маслов

Аннотация. Проблема, решение которой мотивировало написание этой работы, происходит из особенностей социальной жизни коренных малочисленных народов вследствие влияния на нее права. Особенности правового положения коренных малочисленных народов воздействуют не только на процессы поддержания и создания этнической идентичности, но и непосредственно на солидарность коренных малочисленных народов (КМН). Эти народы охотно создают некоммерческие организации – институты, которые могут влиять на жизнь КМН наравне с более «традиционными» институтами, такими как родственные и/или локальные группы.

Место таких некоммерческих организаций в структуре инструментов поддержания солидарности среди КМН, как кажется, может быть более значимым в городских условиях, на фоне размывания социальных связей, сложившихся в условиях негородского образа жизни, который КМН преимущественно ведут. Однако, реальная ситуация отличается от ожидаемой. Гарантированные законами права КМН посредством правоприменения и правоприменителей создают специфическую область социальных отношений, в которой активное участие принимают исполнительная и судебная власти. Этот факт создает не просто особый контекст, в котором работают некоммерческие организации КМН, а изолированное смысловое поле. Такие организации приобретают социальное значение, участвуя в системе бюрократических отношений, в то время как поддержание солидарности внутри групп коренных малочисленных народов происходит за счет менее формальных институтов.

Основной материал для данной статьи был собран автором в рамках полевого исследования в 2010 году в городе Горно-Алтайске Республики Алтай.

Ключевые слова: коренные малочисленные народы; Республика Алтай; идентичность; льготы; правоприменение; солидарность

Коренные малочисленные народы – важная и живая область антропологической работы. Исследовательские усилия, направленные на документирование и понимание культуры и идентичности людей, отнесенных к числу коренных и / или малочисленных, сталкиваются с проблемами, выходящими за классические рамки этнографии. В первую очередь – это влияние на идентичность людей, факторов, порожденных особым правовым статусом, терминологически закрепленным в понятии коренной малочисленный народ. Область научных проблем, образовавшаяся в связи с этим, оказалась довольно широка. От исследований способов, с помощью которых воображается коренной народ как

отдельное явление современной культуры (Соколовский 2011), работ по непосредственной этнографии коренных малочисленных народов (Сирина 2012), до работ по описанию практических проблем (Мартынова, Новикова 2012).

Особенную область исследований жизни людей, принадлежащих к культурам коренных малочисленных народов, образовали работы, описывающие сложный и динамичный процесс становления особенной идентичности представителя коренного малочисленного народа. Важную роль в этом процессе оказывали внешние по отношению к чистым культурным факторам явления, вошедшие в повседневный язык и литературу под названием «льготы».¹

Можно сказать, что проблема, стоящая за наличием «льгот» для КМНС, хорошо описана и разработана. «Льготы» оказались одним из инструментов более масштабного процесса, в котором границы социального и культурного мира различных групп людей оказались динамичными и изменчивыми, а не статичными и зафиксированными раз и навсегда. Приведу два примера.

А.А. Сирина в статье «Кто такие камчадалы и почему ты один из них?» обращается к проблеме формирования этнической идентичности камчадалов – народа, проживающего в Камчатском крае и Магаданской области, культура которого представляет собой ассоциацию между культурами аборигенного и русскоязычного населения. Изучая идентичность Магаданских камчадалов, А.А. Сирина формулирует список факторов, активно влияющих на осознание принадлежности к этой этнической группе, и показывает, что особенно важны территориальная идентичность, единые хозяйственные практики, характерные поведенческие модели. Однако, наряду с этим, в ситуациях конкуренции за природные ресурсы, наличие специальных прав для коренных малочисленных народов является дополнительным стимулом для публично-го проявления соответствующей идентичности. Так, камчадалы, люди смешанного происхождения, в регионе Охотского моря пользовались своей возможностью «стать» эвенами или ороченами – то есть людьми, имеющими право на получение «льгот» КМНС (Сирина 2005).

Иначе выглядит ситуация у селькупов в Томской области, у которых К.Г. Шаховцов в статье «Льгота ли быть селькупом?» анализировал проблему выбора «национальности» лицами, рожденными в смешанных семьях. Автор показал, что во второй половине XX века численность селькупов колебалась, испытывая резкий рост, которому сложно дать исключительно демографическое объяснение. Причиной резкого колебания численности селькупов является взаимодействие двух разнонаправленных тенденций, за которыми стоят прагматические мотивы. Мотивами выбора русского или селькупского этнического титула являлись, с одной стороны, «социальный комфорт», с другой стороны,

наличие «льгот», соответственно (Шаховцов 2006; ср. Шаховцов, Функ 2000).

Эти исследования, среди прочих, показывают сложную социальную механику, работу которой может наблюдать исследователь, интересующийся современной жизнью коренных малочисленных народов. Идентичность представителей коренных народов – явление гибкое. В ее формировании и изменении участвует множество факторов, от наиболее близких к антропологическим представлениям о культуре, таким как в примере А.А. Сириной являются близость мировоззрения, этической картины, моделей поведения у людей, до таких, как попытки конвертации символического ресурса идентичности представителя коренного малочисленного народа в ресурсы экономического и социального характера, важность которых в формировании культурных границ подчеркивали исследователи конструктивистского образа мышления, такие как Ф. Барт или П. Бурдьё.

Данное исследование основано на полевых материалах, которые я собирал летом 2010 года в качестве участника проекта, нацеленного на изучение городских групп коренных малочисленных народов Севера и Сибири.² Меня интересовала роль официальных институтов, действующих от имени КМН, в повседневной жизни горожан. Этот интерес был продиктован более общим вопросом о «механизмах» поддержания солидарности, как формальных, так и неформальных, среди представителей данной группы, проживающих в городе. То есть о том, как люди, по сути дела, создают социальную среду для поддержания своей культурной (этнической) идентичности вне условий «традиционного» образа жизни.

Для культуры Республики Алтай (юг Западной Сибири, РФ) в целом деревня и город – очень важные смысловые единицы. Три четверти населения Республики – деревенские жители, что придает единственному городу – Горно-Алтайску – исключительное положение. С одной стороны, город – столица республики, центр республиканской инфраструктуры. С другой, город – это периферия по отношению к образу жизни и культуре большинства населения Республики Алтай.

Вместе с этим, город и деревня являются не противопоставлениями, а разными точками в непрерывных связях между людьми. Родственные, экономические, профессиональные и дружеские отношения всегда выходят за границы локального поселения. Представители коренных малочисленных народов Республики Алтай, проживающие в Горно-Алтайске, не исключение из общей ситуации. Как показывали мои беседы с людьми, причислявшими себя к кумандинцам, теленгитам, челканцам, тубаларам, шорцам³ и прожившими большую часть своей жизни в городе, имевшими типичные «городские» профессии и ведущими «городской» образ жизни, граница между городом и деревней не каза-

лась им фактором, существенно влияющим на их этническую идентичность и культуру. Это были рассказы представителей народов, являющихся в Республике Алтай меньшинствами, об их жизни и опыте, какими они представляются, глядя из города, а не о городском опыте как таковом.

От идентичности к юридическому факту

За период существования особого юридического статуса, которым обладают представители народов, признанных коренными малочисленными народами Российской Федерации, в общественном мнении жителей Республики Алтай сложилось представление о том, что мотивом людей найти в себе идентичность кумандинца, тубалара, челканца, теленгита, шорца, является стремление к различным предпочтениям бытового характера.

«На приемах меня часто спрашивают: «Какие льготы мы имеем»? Я отвечаю: «Никаких льгот вы не имеете, вы имеете только права», — таким афоризмом президент Общественного объединения «Ассоциация коренных и малочисленных народов Республики Алтай» (далее — Ассоциация), А.И. Сумачаков, характеризовал свой повседневный опыт общения с обращающимися в Ассоциацию людьми. В этой речевой фигуре президент Ассоциации играет со смысловыми акцентами, которыми обладает статус принадлежности к коренному малочисленному народу (далее также — КМН) в публичной культуре Республики Алтай. Но, как следует из вышеприведенного высказывания А.И. Сумачакова, такую точку зрения разделяют и многие из тех, кто принадлежит к КМН, рассматривая свой правовой статус как причину для дополнительной социальной поддержки со стороны государства.

Коренные малочисленные народы – это, в первую очередь, правовой термин. Его правовая онтология базируется на категории коллектива. И в этой перспективе, у разговора о «льготах» и доступе к ним, есть обратная сторона. С появлением понятия «коренные малочисленные народы», у людей, вошедших в эту категорию, появилась возможность использовать новые социальные инструменты в повседневной жизни. В первую очередь это касается возможности создания специальных некоммерческих организаций, выступающих в качестве субъектов хозяйственной деятельности или публичного представления интересов отдельных коренных малочисленных народов или даже малочисленных народов, проживающих в том или ином субъекте Федерации.

Нужно отметить, что, как и в других регионах, эта возможность была реализована и в Республике Алтай. В июле 2010 г. на территории Республики Алтай было зарегистрировано 53 общины и общественные организации коренных малочисленных народов⁴. Рассмотрение распре-

деления мест нахождения этих юридических лиц однозначно указывает на преимущественно сельскую востребованность таких правовых образований, поскольку 50 общин находились на территории сел и только три организации – Община коренного малочисленного народа тубаларов, Молодежное общественное объединение коренных малочисленных народов Республики Алтай и Общественное объединение «Ассоциация коренных малочисленных народов Республики Алтай» – имели юридический адрес в г. Горно-Алтайске.⁵

Активность трех городских организаций была различной. Ассоциация работала, скорее, номинально. Об этом говорили представители КМН, проживающие в городе, иногда подчеркивая ритуальную роль этой организации в предоставлении ее руководителю статуса в публично-административном поле Республики Алтай.⁶ Возможно, активной деятельности Ассоциации в сфере непосредственного общения с людьми не следовало бы ожидать, поскольку эта форма некоммерческой организации подразумевает, что в нее объединяются другие организации. В 2010 г. в городе были зарегистрированы еще две некоммерческие организации, связанные с коренными малочисленными народами: Община коренного малочисленного народа тубаларов и Молодежное общественное объединение коренных малочисленных народов Республики Алтай. Но ни первых, ни вторых мне в ту поездку встретить не удалось.

Несмотря на то, что публичное мнение говорило о пассивной роли Ассоциации КМН РА в публичной жизни Республики, она участвовала в решении проблем обращающихся в нее людей. Как и во многих других регионах России, представители коренных малочисленных народов Республики Алтай сталкиваются с проблемой документального подтверждения своей принадлежности к аборигенам. Принадлежность человека к той или иной культуре может быть глубоко личным делом, но лишь до тех пор, пока в этом нет правового или экономического содержания. С момента их появления идентичность становится фактом публичной жизни, а этничность – продуктом бюрократической работы, которая требует участия Ассоциации.

В современной России не существует документа, функция которого состояла бы в подтверждении этничности его предъявителя. В этой области отсутствуют единый подход для всех возможных правовых отношений, а ситуация осложнена тем, что каждый нормативно-правовой акт устанавливает отдельный перечень документов, подтверждающих этничность, а в некоторых случаях не устанавливает никаких, оставляя вопрос на решение конкретному правоприменителю. Так, М.А. Тодышев в своей статье «Проблемы документального подтверждения принадлежности граждан к коренным малочисленным народам» описывает как минимум четыре документа, которые в разных ситуациях подтверждают принадлежности гражданина к коренному малочисленному

народу. Это свидетельство о рождении, справка, выданная общинами малочисленных народов, справка, выданная органами местного самоуправления, и решение суда. Интересно, что не во всех случаях эти документы могут заменять друг друга, напротив, практика правоприменения зависит от ситуации и региона (Тодышев 2012).

Единственным документом, хотя бы отчасти служащим в качестве подтверждения принадлежности человека к той или иной этнической группе, который имеет большинство граждан Российской Федерации, является свидетельство о рождении. Именно благодаря записи в этом документе о «национальности» родителей гражданина и соответствующей ей записи в учетных документах органов ЗАГС, этническая идентичность получает значение юридического факта, влекущего возникновение соответствующих прав и обязанностей без дополнительных юридических процедур.

Многие представители коренных малочисленных народов РА оказались в ситуации, когда реализация их прав требует прохождения процедуры изменения записи в графе «национальность» родителей гражданина в свидетельствах о рождении, поскольку тубалары, челканцы, кумандинцы, теленгиты и шорцы нередко были записаны алтайцами. В большинстве случаев органы ЗАГС не могут самостоятельно внести необходимые изменения, поскольку в пределах их полномочий находится только исправление ошибок. Для изменений пункта о «национальности» органам ЗАГС требуется соответствующее решение суда.

Масштаб этой проблемы в границах Республики Алтай можно представить, полагаясь на данные о количестве принятых решений судами этого субъекта Федерации о внесении изменений в отношении национальности родителей и установлении юридического факта принадлежности человека к коренным малочисленным народам. Такие данные были любезно предоставлены мне в июле 2010 г. Судьей Верховного Суда Республики Алтай И.В. Солоповой. Такого рода решения стали приниматься с 2007 г. и всего за три года, о которых есть данные, в Республике Алтай было рассмотрено 872 дела указанной категории⁷. Интересно, что количество дел в каждом году оставалось на сходном уровне – около 290⁸.

Эти цифры, как мне кажется, дают возможность предположить, что дела такого рода довольно типичны для судей и имеют в своей основе сложившуюся практику доказательств принадлежности человека к этнической группе.

Несколько решений судей Республики Алтай доступны для публичного знакомства⁹, что позволяет мне здесь рассмотреть их более подробно.

Так, в Улаганский районный суд обратилась гражданка с заявлением «об установлении юридического факта и внесении исправлений в за-

пись акта гражданского состояния»¹⁰. Свою просьбу гражданка мотивировала так: ее родители являются коренными жителями района, относятся к теленгитам, занимаются скотоводством и живут по обычаям предков. Она так же, как и ее родители, считает себя теленгиткой, ее сеок (род) – кобок. Она и члены ее семьи разговаривают на диалекте теленгитов. Ее предки были теленгитами, вели традиционный для них образ жизни, соблюдая традиции, обычаи и культуру, занимаясь традиционными видами деятельности теленгитов – охотой, рыболовством и скотоводством. Однако в актовой записи о рождении ее родители указаны алтайцем и алтайкой.

Однако одного только заявления для установления этнической идентичности и превращения ее в юридический факт суду недостаточно. Структура гражданского процесса освещает этот тайный момент юридического признания. Ключевым является опрос свидетелей, показания которых подтверждают соображения заявительницы о том, что ее родители являются коренными жителями Улаганского района, относятся к теленгитам, занимаются скотоводством и живут по обычаям предков, относятся к одному из сеоков. Сама заявительница также считает себя теленгиткой, владеет «диалектом теленгитов», «знает и соблюдает обычаи предков». Показания свидетелей подтверждаются другими доказательствами и документированной цепочкой родственных отношений. В качестве документов не о родстве судья привлекает два:

– справку Ассоциации коренных малочисленных народов, которая «подтверждает принадлежность заявителя к коренному и малочисленному народу РФ» и

– ходатайство администрации муниципального образования Улаганский район, из которого «следует, что предки заявительницы издревле заселяли территорию Улаганского района и называли себя исторически теленгитами».

Аналогичные судебные решения принимаются и в других районах Республики Алтай. В 2013 году в Майминский районный суд с заявлением о внесении изменений в записи актов гражданского состояния и установлении юридического факта обратилась Н.А. Пронькина. В заявлении было указано, что она просит суд внести изменения «в запись акта гражданского состояния, а именно в запись в графу «национальность» отца: вместо национальность «алтаец» указать «челканец» и установить факт принадлежности ее к малочисленным коренным народам – челканцам, указывая на то, что она обратилась в органы ЗАГС с целью внесения изменений в запись акта о своем рождении, в чем ей было отказано. Вместе с тем, себя и своего отца она относит к коренным малочисленным народам – челканцам. Принадлежность к данному народу подтверждается проживанием заявительницы и ее предков в национальном поселке – традиционном месте обитания и расселения

«челканцев». Фамилия «Кандараков» является истинно челканской. Отец заявительницы Кандараков А.С., являлся коренным жителем в мест традиционного проживания челканцев».

Исследовав материалы дела суд установил, что: «Пронькина Н.А. и ее отец Кандараков А.С. являются потомками челканцев, о чем свидетельствуют такие признаки как: рождение указанных лиц в местах истонного проживания челканцев, знание и общение на челканском языке и занятие традиционными для данного коренного малочисленного народа видами деятельности, соблюдение национальных традиций и обычаев» (Решение 2013 а).

В этот же суд в 2014 г. с заявлением о внесении изменений в запись акта о рождении и установлении факта принадлежности к коренным малочисленным народам обратился А.В.Чунжеков. Обосновывая свои требования, А.В. Чунжеков заявлял следующее: «он родился в с. Сайдыс Майминского района Республики Алтай, в его свидетельстве о рождении в графе национальность матери и отца стоит «алтаец, алтайка», хотя фактически он относится к малочисленному народу РФ – «тубалары». Принадлежность его к данному коренному малочисленному народу подтверждается рождением и проживанием его и его предков в с. Сайдыс – традиционном месте обитания и расселения тубаларов. Для того, чтобы он мог в полной мере воспользоваться правами малочисленных народов, ему необходимо установить факт принадлежности к малочисленному народу и внести изменения в запись акта о его рождении».

Доказательствами для принятия решения об удовлетворении требования послужили доводы заявителя, справка Ассоциации коренных малочисленных народов Республики Алтай, Постановление Правительства РФ от 24.03.2000 года № 255 об утверждении Единого перечня коренных малочисленных народов Российской Федерации и территории их проживания и показания свидетеля, в которых было подтверждено, что «мать и отец Чунженкова при жизни считали себя тубаларами, разговаривали на их языке, почитали традиции своего народа, вели традиционный образ жизни, а Чунженков последовал традициям тубаларов» (Решение 2014а)

Эти решения, наряду с другими, могут послужить материалом для критического рассмотрения бюрократической рефлексии над онтологией этничности. Однако я хотел бы поставить акцент там, где они свидетельствует о системе социальных связей. Опуская всю качественную нелепость ситуации, начиная от участия самого суда и заканчивая содержанием доказательств, нужно обратить внимание на то, что в решениях обрисован вариант модели взаимодействия общества в целом, его согласия по заданному вопросу. Личные соображения заявителей, мнение локальной группы в лице свидетелей, документы от экспертов / авторитетов и исполнительной власти – вот участники легитима-

ции этничности, ее публичного признания. Однако за этой социальной мистикой стоит трудоемкая процедура, представляющая другую перспективу на механизм достижения социального согласия.

Получение отказов в органах ЗАГС, сбор доказательств своей принадлежности к коренным малочисленным народам, то есть документов с соответствующими текстами, выданными различными организациями, прохождение судебного разбирательства, и, наконец, внесение необходимых изменений в документы – вот что составляет повседневную сторону этого процесса. И это та позиция, с которой многие представители КМН смотрят на работу Ассоциации коренных малочисленных народов РА.

Говоря иначе, Ассоциация заняла вакантное место в пустом, в правовом смысле, пространстве создания доказательств этничности отдельно взятого человека. Ее глава, рассказывая о деятельности Ассоциации, подчеркивал ее роль в описанной системе легитимации этничности. По словам А.И. Сумачакова, за этой организацией была признана функция обеспечения доказательств, которые учитывают судьи при рассмотрении соответствующих дел¹¹. Разумеется, эта работа не покрывает весь спектр деятельности этой организации, но, как мне кажется, точно говорит об общем направлении работы ассоциации и ее месте в публичной сфере. Поле деятельности некоммерческих организаций КМН формирует не столько общественная работа, сколько организация отношений с властью. В результате, при взгляде со стороны, они кажутся находящимися в одном ряду с государственными учреждениями, а не с общественными институтами, цели которых состоят в реализации программ, непосредственно направленных на возрождение, поддержание и развитие именно этнической культуры. Говоря иначе, ассоциация играет заметную роль в вопросе коммуникации с государственными институтами, но не в вопросе создания и поддержания «механизмов» солидарности среди КМН Республики Алтай.

Льготы и права

«Льготы», как фактор, влияющий в той или иной степени на восприятие публичного образа коренных малочисленных народов, для самих городских аборигенов Республики Алтай не являются данностью. То, что со стороны выглядит как реальная преференция, по тем или иным причинам предоставленная носителям определенной этнической идентичности, в современных условиях жизни представителей коренных малочисленных народов является всего лишь декларацией.

Для многих КМНС-горожан среди прав, описанных Федеральными законами, право на социальную пенсию, установленное Федеральным законом от 15.12.2001 г. № 166-ФЗ «О государственном пенсионном

обеспечении в Российской Федерации», которое уменьшает пенсионный возраст до 50 лет для женщин и 55 лет для мужчин (СЗ РФ 2001), является наиболее актуальным¹². Однако, пытаясь реализовать это право, представители КМНС столкнулись с правоприменительным цензом Пенсионного фонда РФ. Управления Пенсионного фонда в субъектах Федерации отказывают в назначении социальной пенсии представителям КМНС, зарегистрированным по месту жительства не на территориях, определенных как места традиционного проживания и традиционной хозяйственной деятельности коренных малочисленных народов Российской Федерации согласно Распоряжению Правительства Российской Федерации от 8 мая 2009 г. N 631-р (СЗ РФ 2009). Ситуация осложняется еще и тем, что вышеназванное Распоряжение Правительства было не первым в своем роде и отменяло правовые акты, составленные ранее. Отдельные Управления Пенсионного фонда РФ не смогли вовремя учесть изменения в законодательстве, что приводит к необоснованным отказам в назначении социальной пенсии отдельным представителям КМНС и, как следствие этого, к большому количеству судебных разбирательств в различных субъектах РФ (Печенина 2012).

Сообщения об отказе в социальной пенсии регулярно появлялись в рубрике вопросов и ответов на сайте Ассоциации коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока РФ (см.: <http://www.raipon.info>) в 2012 году. Познакомившись с этими сообщениями, можно понять, что до 2012 г. у представителей КМНС не было шансов получить социальную пенсию, имея регистрацию по месту жительства в городе. При соответствующем обращении Управление ПФ РФ отказывало им. Обжалование отказа в суде первой инстанции порой могло быть положительным, однако Управление ПФ РФ также успешно обжаловало уже судебное решение.

Так, например, произошло с проживавшей в г. Хабаровске нанайкой О.А. Бельды (Определение 2012). Управление пенсионного фонда в г. Хабаровске и Хабаровском районе отказало ей в назначении социальной пенсии в связи с тем, что г. Хабаровск не является местом традиционного проживания и традиционной хозяйственной деятельности нанайцев. Районный суд города не согласился с мнением Управления ПФ. Однако Управление пенсионного фонда настаивало на обоснованности принятого ими решения и обжаловало решение районного суда в судебную коллегия по гражданским делам по Хабаровскому краю. Судебная коллегия отменила решение районного суда, посчитав, что право на назначение социальной пенсии возникает не только в связи с принадлежностью к коренному или малочисленному народу, но и в связи с проживанием на территориях с тяжелыми природными и климатическими условиями. Однако за окончательным решением спора стороны обратились в Верховный суд РФ, где спор разрешился в поль-

зу жительницы г. Хабаровска. Верховный суд предложил толкование идей законодателя, стоявших за этими пенсионными нормами. Назначение социальной пенсии коренным и малочисленным народам мотивированно не тем, что многие из их представителей проживают в неблагоприятных климатических условиях, а из сложившихся для них неблагоприятных социально-демографических и демографических обстоятельств, необходимости сохранения и развития соответствующих народов. Однако, для ее назначения должны быть учтены два фактора: принадлежность к коренному и малочисленному народу и место проживания, которое должно соответствовать «Перечню мест традиционного проживания и традиционной хозяйственной деятельности коренных малочисленных народов Российской Федерации», утвержденному распоряжением Правительства РФ от 8 мая 2009 N 631-р (СЗ РФ 2009).

Нужно признать, что доступ горожан-коренных народов к «льготам» посредством определения Верховного суда РФ вряд ли способен придать им дополнительный привлекательный образ, образ, который в публичной культуре ассоциируется с идентичностью этих этнических групп. Вместе с этим, история с жительницей Хабаровска показывает, что трансформация «льгот» в права, если пользоваться риторикой С.А. Сумачакова, происходит не просто по факту смены персонального отношения, но посредством сложной социальной работы, проявившейся в способности жительницы г. Хабаровска дойти до Верховного суда. Важную роль здесь сыграли общественные организации коренных малочисленных народов.

Республика Алтай не стала исключением для таких судебных процессов. Один из «городских аборигенов» предоставил мне копию «решения об отказе в установлении пенсии», которое приняло ГУ Управления ПФР в г. Горно-Алтайске 11 мая 2006 г. в ответ на его обращение за назначением социальной пенсии как представителю коренного малочисленного народа Севера. В мотивировочной части отказа было сказано, что право на социальную пенсию имеют представители КМН, проживающие на территории компактного проживания. Поскольку обратившийся проживал в Горно-Алтайске, а этот город официально не считается местом компактного проживания коренных малочисленных народов, то в праве на социальную пенсию ему было отказано.

Обращение в суд для решения о правомерности правоприменительной практики Управления Пенсионного фонда не приносит успеха представителям коренных малочисленных народов Республики Алтай. Об этом наглядно свидетельствует Решение Горно-Алтайского городского суда от 17 июня 2014 г. по гражданскому делу № 2-1327/2014, в котором было отказано в удовлетворении исковых требований одной из представительниц КМН РА.¹³ В частности, суд указывал, что: «В соответствии с п. 2 ст. 5 Федерального закона "О гарантиях прав коренных

малочисленных народов Российской Федерации" было издано распоряжение Правительства Российской Федерации от 08 мая 2009 года N 631-р, которым утвержден Перечень мест традиционного проживания и традиционной хозяйственной деятельности коренных малочисленных народов Российской Федерации. В этот Перечень включен, в числе прочих, <...>, на территории которого родилась истец. <...> [г. Горно-Алтайск. – Д.М.), который является местом жительства истца, не включен в Перечень мест традиционного проживания и традиционной хозяйственной деятельности коренных малочисленных народов Российской Федерации, утвержденный распоряжением Правительства РФ N 631-р от 08.05.2009 года» (Решение 2014б).

И это не единственный случай такого рода. Так, в 2013 г. с иском к Управлению Пенсионного Фонда Российской Федерации в суд обратилась Хвоинских И.П., представительница КМН, проживающая в Усть-Канском районе Республики Алтай, которой ранее было отказано в назначении социальной пенсии. Представитель Управления Пенсионного Фонда поясняла решение учреждения: правовых оснований для установления социальной пенсии, предусмотренной для граждан из числа малочисленных народов, лицам, проживающим в районах, не относящихся к районам проживания малочисленных народов, не имеется, поскольку местом жительства истца, подтвержденным отметкой о регистрации в паспорте гражданина Российской Федерации, является район, не относящийся согласно перечню к районам проживания малочисленных народов Севера. Усть-Канский районный суд, рассмотрев дело, истце отказал (Решение 2013 б).

Реализация прав коренных малочисленных народов становится самостоятельной проблемой, о которой можно говорить не только юридическим языком, но и языком антропологии. Коренные малочисленные народы – правовая категория. Однако вместе с ней в социальную реальность коренных малочисленных народов приходят и новые способы социальной организации, новые социальные роли, новые способы демонстрации культурной принадлежности. Вместе с этим, новые явления социальной жизни КМН оказываются действенны только в тесной ассоциации с государством. Последнее обстоятельство радикально меняет не только контекст, в котором функционируют институты КМН, но влияет и на смысл порождаемого этими институтами типа солидарности.

(Пуб)личная сфера

Сложная система отношений между представителями коренных малочисленных народов, некоммерческими организациями, исполнительной и судебной властями не является единственной социальной сферой,

формирующей содержание социальной жизни КМН. Однако, инструменты, используемые для этого, отличаются от тех, благодаря которым формируется и существует публичное культурное пространство.

Фото 1. «Городские кумандинки» (первая слева Ефросинья Кузьмовна). Фото автора

Ефросинья Кузьмовна – женщина преклонного возраста, прожившая большую часть своей жизни, около 50 лет, в Горно-Алтайске. Во время беседы, в которой участники высказывались о проблемах преемственности в культуре аборигенов Алтая, Ефросинья Кузьмовна вспомнила, как была удивлена её сноха неожиданно, без предупреждения, визиту. Этот случай тем интереснее, что был приведен ею как описание самой сути изменяющихся отношений внутри семейной группы, в данном случае синонимичной «ячейке» коренных малочисленных народов, в которых осложнена не только передача публично ценных маркеров этничности, таких как язык, но и менее заметных, но от того не менее ценных, моделей личных отношений, посредники в которых неприемлемы.

Я позволю себе увидеть в этой истории метафорическое высказывание, в котором Ефросинья Кузьмовна характеризовала отношения, которые с её точки зрения были распространены внутри «кумандинского» сообщества в Горно-Алтайске. Практику само собой разумеющихся визитов без предупреждения можно рассмотреть как модель солидарности, отчетливо отторгающей церемонии и посредников в повседневной жизни, и, тем самым, манифестирующей постоянство и цельность группы людей, вовлеченных в такие отношения.

Эти отношения, как в своей форме, так и в своем содержании, анонимны для публичной сферы. Можно увидеть в них даже своеобразное противостояние публичности как таковой. В Горно-Алтайске ни один

из коренных малочисленных народов не образует того, что можно было бы формально назвать сообществом. Главным образом, это проявляется в том, что инициативы по культурному развитию и поддержанию групповой солидарности не воплощаются в стабильные организационные формы. Напротив, механизмы воспроизводства социальных отношений коренных малочисленных народов происходят из отношений сельской общины и родственных отношений.

Одной из последних моих бесед с представителем коренных малочисленных народов в Горно-Алтайске, была беседа с Марией Ивановной, пожилой кумандинкой. Она родилась в 1939 году, юность провела в одной из деревень Солтонского района Алтайского края, в шестидесятом году вместе с матерью и другими членами семьи переехала в Горно-Алтайск, устроилась на работу на ткацкую фабрику, проработала на ней тридцать лет, создала семью, вырастила двоих детей. Последние годы Мария Ивановна подрабатывала на продуктовом рынке, в который превратилась ткацкая фабрика, торгуя листовничной смолой, кедровым орехом, калбой, а в зимний период шерстяными изделиями, изготовленными ею самой.

Фото 2. На рынке (первая слева Мария Ивановна). Фото автора

В эту встречу мы смотрели ее альбом с фотографиями 1950-80-х годов. Мария Ивановна рассказывала мне о своей жизни и составивших ее обстоятельствах. В этом альбоме, как мне кажется, зафиксирован интересный материал, особенно в коллективных фотографиях, который позволяет взглянуть на солидарность и модели коллективного поведения кумандинцев.

Фото 3. Просмотр домашнего фотоальбома. Фото автора

Коллективные фотографии, на которых запечатлены более пяти человек, в этом альбоме немногочисленны. Период создания коллективных фотографий охватывает время с середины пятидесятых по середину семидесятых годов прошлого столетия. Тематически такие снимки уверенно можно разделить на две группы: изображающие сами коллективы и изображающие впечатления, коллективно обрамленные.

Последняя группа фотографий почти полностью относится к туристическим поездкам Марии Ивановны. По ее воспоминаниям, работая на ткацкой фабрике, она с периодичностью раз в несколько лет имела возможность выезжать в другие регионы СССР по путевкам, предоставленным ей как сотруднице этого предприятия. Просматривая эти фотографии вместе с Марией Ивановной, я отметил, что непосредственные впечатления от каждой конкретной поездки находились на втором плане ее рассказов. Эти фотографии представляли для нее ценность как фактическое свидетельство о приобретенном культурном и социальном капитале, о сумме туристических поездок.

Фото 4. Туристическая групповая фотография в Алушке

Фото 5. Туристическая групповая фотография в Ялте

Можно предположить, что сама Мария Ивановна не назвала бы эти фотографии коллективными. Они отражают ее индивидуальный опыт, и она не говорит о них, используя местоимения множественного числа. Интересно, что комментируя снимки другой группы коллективных фотографий этого альбома, она, напротив, использовала слова: «мы», «наши», «они». В первую очередь речь шла о молодежных фотографиях. Самые ранние относятся ко второй половине пятидесятых годов и их в альбоме было больше других. Особенно интересно, что коллективные фотографии делались как в деревне, так и в городе. Если попытаться их сравнить, то можно заметить, что коллективы в деревне были в разы больше тех, которые попадали в объектив фотокамеры в городе. Отчасти это свидетельствует о социальных условиях, в которых оказывались переезжающие в город кумандинцы, и тех групп, которые они создавали.

Фото 6. Сельская молодежь (четвертая справа в верхнем ряду Мария Ивановна)

Хронологический взгляд на коллективные фотографии дает возможность предполагать, что сами коллективы теряли свою социальную привлекательность с течением времени. Фотоальбом почти не содержит коллективных фотографий с середины шестидесятых. Отношения дружбы теряют коллективную форму в изображениях и принимают глубоко личный характер. Об этом говорят фотографии альбома, на которых изображены отдельные люди. Многие из них на обратной стороне имеют надписи, призывающие не забывать запечатленных на них друзей.

Фото 7. Сельская молодежь (первая справа в нижнем ряду Мария Ивановна)

Фото 8. Сельская молодежь (первая слева в нижнем ряду Мария Ивановна)

Кроме этого, альбом фиксирует погружение в семью. Со временем, в семидесятые годы и позже, семейные отношения приобретают доминирующий интерес для фотографирования.

Фундамент родственных связей в коллективах, которые окружают Марию Ивановну, не выглядит необычным. Возможно, такова с ее точки зрения сама жизненная траектория от объективного, но быстро рас-

падающего коллектива молодых, к менее очевидному, но более устойчивому коллективу родственников.

Фото 9. Семья городских кумандинцев (первая слева в нижнем ряду Мария Ивановна)

В последнем сложно уловить структуру, которая могла бы характеризовать его культурно со всей очевидностью. Тем не менее, видно, что для поддержания социальных отношений между кумандинцами в городе представления о родстве были главным инструментом. Как мне кажется, именно в этом состоит главное качество солидарности коренных малочисленных народов в городе.

Заключительные ремарки

В этой работе я попытался показать особенности современной социальной жизни представителей коренных малочисленных народов Республики Алтай, в особенности тех из них, которые проживают в Горно-Алтайске. С точки зрения публичной культуры, коренные малочисленные народы выделяются своим особым юридическим положением. На практике это означает распространение специального правового режима на отдельные сферы жизни, которые государство рассматривает как существенные для культуры этих народов. Вместе с этим, действие правового режима имеет ряд свойств, особенно ярко проявляющихся у городских КМН. Как показывает пример Республики Алтай, именно в их ситуации ограничения к доступу к правам, которые следуют из их юридического положения, становятся видны наиболее ярко.

Особый правовой режим КМН реализуется посредством правоприменительного бриколажа. Столкнувшись с тем, что их этничность является юридически значимой, люди, не имеющие ее документального подтверждения, вынуждены проходить бюрократический ритуал объективации своей принадлежности к культуре КМН. С точки зрения своего социального насыщения, в этом ритуале действует большое число правоприменителей, являющихся посредниками между правом и конкретными людьми. Среди них: управления пенсионного фонда, отделы органов ЗАГС, администрации муниципальных образований, суды и ряд иных. Все они участвуют в создании бюрократической формы этничности: определяя ее критерии, производя для нее документы и создавая пространственные и организационные ограничения ее обращения.

Сложившаяся ситуация интересна сама по себе, но стоит обратить внимание на еще одно обстоятельство. В городах, пространствах публичных взаимоотношений, представители КМН могли бы активно взаимодействовать с обществом посредством собственных организаций, противостоя правоприменительному бриколажу. Но этого не происходит. Отдельные организации КМН заняли место в сложившейся правоприменительной системе, по сути, пренебрегая своими публичными функциями. На фоне этого социальность представителей КМН в городе приобретает партизанский характер. Они развивают и используют такие модели поведения, которые, как кажется, противостоят публичной сфере и тому типу солидарности, который создают и поддерживают институты КМН, действующие от их имени публично.

Примечания

¹ В соответствии с Федеральным законом от 30.04.1999 г. N 82-ФЗ (ред. от 05.04.2009) «О гарантиях прав коренных малочисленных народов Российской Федерации», коренные малочисленные народы, объединения малочисленных народов и лица, относящихся к малочисленным народам, имеют право на защиту их исконной среды обитания, традиционного образа жизни, хозяйствования и промыслов, право на замену военной службы альтернативной гражданской службой, право на сохранение и развитие своей самобытной культуры, право на общественное самоуправление (СЗ РФ 1999).

² Проект «Коренные малочисленные народы города»: современные адаптационные стратегии и практики коренных малочисленных народов Крайнего Севера, Сибири и Дальнего Востока РФ (грант РГНФ № 10-01-00028а, рук. Д.А. Функ).

³ Кумандинцы, теленгиты, челканцы, тубалары, шорцы входят в список коренных малочисленных народов Российской Федерации. Постановление Правительства РФ от 24.03.2000 г. N 255 (ред. от 26.12.2011 г.) «О Едином перечне коренных малочисленных народов Российской Федерации».

⁴ Данные предоставлены Управлением Министерства юстиции Российской Федерации по Республике Алтай 30 июля 2010 г.

⁵ Осенью 2011 г. деятельность Ассоциации была прекращена. На ее месте возникли сразу три организации, которые уже в 2012 г. объединились в Ассоциацию коренных малочисленных народов Республики Алтай «Кедр» под руководством Л.Н. Пешперовой, которая, в свою очередь, была ликвидирована в апреле 2013 г. На момент окончания

работы над статьей функцию основного представителя коренных малочисленных народов Республики Алтай в общероссийской Ассоциации коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока представляла Региональная общественная организация Ассоциация коренных малочисленных народов Республики Алтай “Звёздный Кедр”, президентом которой также является Л.Н. Пешперова.

⁶ В 2011 г. А.И. Сумачаков занял место главы Счетной палаты Республики Алтай.

⁷ Хочу отметить, что в тексте ответа суда сложно отделить рассмотренные дела и собственно принятые решения. Я предполагаю, что синонимия вызвана 100% положительными решениями по делам указанной категории.

⁸ В 2007 г. – 289, 2008 г. – 298 и в 2009 г. – 295.

⁹ См., например, справочно-правовую систему на сайте www.pravo.ru или www.sudact.ru

¹⁰ Решение суда обезлично, в связи с этим установить дату этого обращения не представляется возможным. Далее в тексте я использую такое же написание названий сеоков, которое приведено в доступных публично текстах решений судов.

¹¹ Таким доказательством, как следует из материалов приведенного судебного решения, служит документальное подтверждение, оформленное от имени Ассоциации, в том, что гражданин принадлежит к одному из коренных малочисленных народов Республики Алтай. Процедура установления принадлежности, которой пользуется ассоциация, основана, по словам президента организации, на определении соответствия фамилии обратившегося имеющемуся в распоряжении Ассоциации списку фамилий, распространенных у тех или иных коренных малочисленных народов Республики Алтай, который был составлен специалистами Института Алтаистики им. Суразакова.

¹² Это происходит потому, что другие «льготы», предусмотренные государством, имеют однозначный «хозяйственный», или, если сказать точнее, природопользовательский характер, менее актуальный в городских условиях.

¹³ В тексте, доступном в сети интернет, фамилия, имя и отчество, место жительства и другая персональная информация истца скрыты. Известно лишь то, что истец была этническим тубаларом (Решение 20146).

Литература

Мартынова Е.П., Новикова Н.И. Тазовские ненцы в условиях нефтегазового освоения. М., 2012.

Определение Верховного суда Российской Федерации от 22 июня 2012 года. Дело №58-КГ12-2.

Печенина Н.М. О защите прав коренных малочисленных народов Севера на социальную пенсию // Современное состояние и пути развития коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации сб. статей. / Под общей редакцией В.А. Штырова. М.: Совет Федерации Федерального Собрания Российской Федерации, 2012. С. 222–237.

Решение Майминского районный суд Республики Алтай по иску Пронькиной Н.А. от 16 декабря 2013 года. Дело № № 2-1296/2013 а.

Решение Усть-Канского районного суда Республики Алтай по иску Хвоинских И.П. от 24 декабря 2013 года. Дело № 2-551/2013 б.

Решение Майминского районного суда Республики Алтай по иску Чунжекова А.В. Дело № 2-193/2014 а.

Решение Горно-Алтайского городского суда Республики Алтай от 17 июня 2014 года. Дело № 2-1327/2014 б.

Собрание законодательства РФ. 1999. № 18. Ст. 2208.

СЗ РФ 2001 – Собрание законодательства РФ. 17.12.2001. № 51. ст. 4831.

СЗ РФ 2009 – Собрание законодательства РФ. 18.05.2009. № 20. ст. 2493.

- Соколовский С.В. Модели индигенности, права на территорию и «виды-пришельцы» // Этнометодология. М., 2011. Вып.16. С.61–82.
- Сирина А.А. Кто такие камчадалы и почему ты – один из них. Государственная политика и проблемы формирования этнической идентичности камчадалов Магаданской области // В поисках себя. Народы Севера и Сибири в постсоветских трансформациях / Отв. ред. Е.А. Пивнева, Д.А. Функ. М.: Наука, 2005. С. 85–107.
- Сирина А.А. Эвенки и эвены в современном мире. Самосознание, природопользование, мировоззрение. М.: Восточная литература, 2012.
- Тодышев М.А. О проблемах документального подтверждения принадлежности к коренным малочисленным народам // Современное состояние и пути развития коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации сб. статей. / Под общей редакцией В.А. Штырова. М.: Совет Федерации Федерального Собрания Российской Федерации, 2012. С. 238–253.
- Шаховцов К.Г., Функ Д.А. О современных процессах формирования этнической самоидентификации у селькупов Томской области // Этнография народов Западной Сибири. К юбилею доктора исторических наук, профессора З.П. Соколовой / Отв. ред. Д.А. Функ, А.П. Зенько. М., 2000. С. 310–324.
- Шаховцов К.Г. Льгота ли быть селькупом? // Практика постсоветских адаптаций народов Сибири: Сб. статей / Отв. ред. Д. Функ, Х. Бич, Л. Силланпяя. М.: ИЭА РАН, 2006. С.157–172.

Сокращения

СЗ РФ – Собрание законодательства РФ

Статья поступила в редакцию 7.02.2014 г.

Denis Maslov

ETHNICITY AND BUREAUCRACY:

NOTES ON SOLIDARITY AMONG INDIGENOUS PEOPLE OF ALTAI REPUBLIC

Abstract. The issue that inspired this paper lies in the specifics of social life of indigenous people shaped by laws. The specificities of the legal status of indigenous people not only influence the creation and keeping of ethnic identity but also directly impact the sense of solidarity of indigenous people. These people readily set up non-commercial organizations – institutions capable of influencing the life of indigenous people on a par with more “traditional” ones, e.g. kinship and/or local groups. The place of such non-commercial organizations among the tools used to maintain solidarity among indigenous people, as it seems, may be of greater significance in urban environments against the backdrop of the erosion of social ties that had been established as a result of the non-urban way of life mainly led by indigenous people. However, the real situation differs from what is expected. Legal rights of indigenous people, through law enforcement and law enforcers, create a specific area of social relations in which an active part is played by the executive and the judicial power. This produces not only a special context in which non-commercial organizations operate, but an isolated semantic field. Such organizations gain social importance, participating in the system of bureaucratic relations, whereas solidarity within groups of indigenous people is maintained thanks to less formal institutions. The main material for the paper was collected by the author during the field research in 2010 in the city of Gorno-Altai of Altai Republic.

Key words: indigenous people; Altai Republic; identity; benefits; law enforcement; solidarity.

References

- Martynova E.P., Novikova N.I. Tazovskie nentsy v usloviakh neftegazovogo osvoeniia [Tazov Nenets under conditions of gas and oil development]. Moscow, 2012.
- Determination of the Supreme Court of Russian Federation of 22 June 2012, Case no. 58-KG12-2.
- Pechenina N.M. O zashchite prav korennykh malochislennykh narodov Severa na sotsial'nuu pensiiu [On the protection of the rights of indigenous people of the North to the social pension], *Sovremennoe sostoianie i puti razvitiia korennykh malochislennykh narodov Severa, Sibiri i Dal'nego Vostoka Rossiiskoi Federatsii*, sb. statei, Ed. by V.A. Shtyrova. Moscow: Sovet Federatsii Federal'nogo Sobraniia Rossiiskoi Federatsii, 2012, pp. 222–237.
- Decision of Maiminsky District Court of the Republic of Altai on the claim of Pronkina N.A., 16 December 2013, Case no. 2-1296/2013a.
- Decision of Ust-Kun District Court of the Republic of Altai on the claim of Khvoinskikh I.P., 24 December 2013, Case no. 2-551/2013b.
- Decision of Maiminsky District Court of the Republic of Altai on the claim of Chunzhekov A.V., Case no. 2-193/2014a.
- Decision of Gorno-Altai City Court of the Republic of Altai, 17 June 2014, Case no. 2-1327/2014b.
- Collection of Laws of the Russian Federation, 1999, no. 18, art. 2208.
- Collection of Laws of the Russian Federation, 17.12.2001, no. 51, art. 4831.
- Collection of Laws of the Russian Federation, 18.05.2009, no. 20, art. 2493.
- Sokolovskii S.V. Modeli indigennosti, prava na territorii i «vidy-prishel'tsy» [Models of indigenous, rights to the territory and “species-aliens”], *Etnometodologiia*. Moscow, 2011, Vol. 16, pp. 61–82.
- Sirina A.A. Kto takie kamchadaly i pochemu ty – odin iz nikh. Gosudarstvennaia politika i problemy formirovaniia etnicheskoi identichnosti kamchadalov Magadanskoii oblasti [Who are Kamchadals and why are you one of them? State policy and problems of formation of ethnic identity of Kamchadals of Magadan region], *V poiskakh sebia. Narody Severa i Sibiri v postsovetstskikh transformatsiakh*, Eds. E.A. Pivneva, D.A. Funk. Moscow: Nauka, 2005, pp. 85–107.
- Sirina A.A. *Evenki i eveny v sovremennom mire. Samosoznanie, prirodopol'zovanie, mirovozzrenie* [Evenks and Evens in the modern world. Self-consciousness, nature management, world view]. Moscow: Vostochnaia literatura, 2012.
- Todyshev M.A. O problemakh dokumental'nogo podtverzheniia prinadlezhnosti k korennykh malochislennym narodam [On the problems of documentary evidence of belonging to the indigenous smaller peoples], *Sovremennoe sostoianie i puti razvitiia korennykh malochislennykh narodov Severa, Sibiri i Dal'nego Vostoka Rossiiskoi Federatsii*, sb. statei, Ed. by V.A. Shtyrova. Moscow: Sovet Federatsii Federal'nogo Sobraniia Rossiiskoi Federatsii, 2012, pp. 238–253.
- Shakhovtsov K.G., Funk D.A. O sovremennykh protsessakh formirovaniia etnicheskoi samoidentifikatsii u sel'kupov Tomskoi oblasti [On the contemporary processes of formation of ethnic identity of the Selkups in the Tomsk region], *Etnografiia narodov Zapadnoi Sibiri. K iubileiu doktora istoricheskikh nauk, professora Z.P. Sokolovoi*, Eds. D.A. Funk, A.P. Zen'ko. Moscow, 2000, pp. 310–324.
- Shakhovtsov K.G. L'gota li byt' sel'kupom? [Is it a benefit to be a Selkup?], *Praktika postsovetstskikh adaptatsii narodov Sibiri: Sb. statei*, Eds. D. Funk, H. Beatch, L. Sillanpaa. Moscow: IEA RAN, 2006, pp.157–172.